

— Встрѣтить или проводить?

— А какъ знаете: воля ваша.

Тѣ побѣждали, брали его за руки и хотѣли проводить. А онъ схватилъ ихъ за волосы, одного въ одну руку, другого въ другую, и несетъ на карапъ. Принесъ, а Царь-Дѣвица ему въ ноги. А онъ ей назадъ говоритъ:

) — Не ты виновата, а я самъ виноватъ.

Вотъ вышли на гору да-й веселымъ пиркомъ и за свадьбу. Свадьба прошла, а меньшого женилъ на той-тамъ, котору спасъ отъ смерти. Прошли свадьбы, Иванъ-Царевичъ уѣхалъ съ Царь-Дѣвицей въ ейно царство. Я тамъ былъ, медъ пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Сказка вся, больше врать нельзя.

Онежскій уѣздъ, Шелековский приходъ Савинской волости. Зап. отъ крестьянина Федора Васильевича Огаркова 84 лѣтъ (онъ же „Федорейко“). Лѣто 1912 г.

2. Приключенія двухъ стариковъ.

[Чудо чудное—диво дивное.]

Жили старикъ со старухой. Старуха и говоритъ:

— Старикъ! марду пусти въ езь, не попадѣтъ ли кака рыбинка.

На утро, какъ только колоколъ къ заутрени, старикъ побѣжалъ къ мардѣ. Вдругъ ему попала щука большая-пребольшая. Старикъ и обрадѣлъ:

— Намъ со старухой завтра на обѣдъ или паужинъ хороша ѣда будетъ.

Взялъ щуку, очистилъ и говоритъ:

— Вотъ, старуха, голову—на латку, а хвостъ на другую: а середку въ рыбникъ.

Послѣ того пришѣлъ старикъ отъ обѣдни и говоритъ:

— Давай, старуха, обѣдать стамъ, неси голову на латки. Старуха принесла латку съ головой. Старикъ побрѣлъ ложкой—одна уха, а рыбы нѣтъ.

— Ты, говоритъ, старуха, не видала ли рыбы?

— Нѣтъ, говоритъ старуха, не вынимала.

— Ну, тащи другую латку съ хвостомъ, неужоли хвостъ тоже ушолъ изъ латки?

Старуха и другу притащила—хвоста нѣтъ.

— Ну, старуха, неси рыбникъ, неужоли и изъ рыбника ушла?

Старуха и рыбникъ принесла, корку разломала—середки нѣтъ.

Старикъ корки поѣлъ, ўшки похлебаль, а рыбы не видалъ, каковѣ была, и изъ стола вышелъ.

— Ну, старуха, говоритъ, пойду въ люди рассказывать, какѡ чудо случилось у меня.

Вотъ онъ пришолъ на Беричово ли, Маркомусы, я не видѣлъ,—тутъ старикъ со старухой тоже сидятъ обѣдаютъ.

— Хлѣбъ да соль, говоритъ, добрые люди.

— Хлѣба кушать, добрый человѣкъ, заходи съ дороги. Старикъ и зашолъ въ фатеру.

Вотъ сидятъ за столомъ, обѣдаютъ, старикъ и рассказалъ про щуку, какъ было дѣло.

— Вотъ я раньше, говоритъ другой старикъ, женился; жонка любить не стала. Вдругъхватилаухватъ, а меня обернула кобелѣмъ, возила меня, возила, ажно опристалала; сѣла на лавку отдыхать, вижу, а двери заложила на крючокъ, мнѣ вытти нельзя. Отдохнула, опять меня возить стала, а я голову пехнулъ подъ лавку, а по думаю, дуй. Опять до того довозила, что сѣла на лавку отдыхать. Вдругъ мнѣ придумалось, не могу ли отворить крючка. Прискочилъ на заднія лапы, а передними крючокъ отшолкнулъ. Я впроходную, и она за мной впроходную. Я на сарай, и она за мной на сарай. Я во дворъ, и она за мной во дворъ. На мое счастье подворотня во двори не ставлена была, я выскочилъ на улицу. Тутъ на улицы набѣжали собаки и начали меня нещадно рвать. Охти-мнѣченъко! Кое-какъ отъ собакъ я на заполѣкъ урвался, махнулъ въ лѣсъ и по лѣсу бѣжу, бѣжу, не знаю, близко ли, далеко ли, истощалъ; вижу падѣну, а ись не могу. На одной полянки, вижу, пастухъ ходитъ съ коровами. Вотъ пастухъ меня къ собѣ манить, а я не смѣю близко подойти. „Бить, думаю, будетъ, дакъ опять бѣда.“ Пастухъ кое-какъ меня къ собѣ поближе сманилъ. Я сѣлъ у его кусочки отъ паужны и наѣлся. Пастухъ побѣждалъ въ деревню собѣ за паужной. „Надо, говоритъ, соби поись, а то всё кобеля скормилъ.“ Пастухъ ушелъ, а я улегся подлѣ пестеря спать. Пастухъ пришолъ съ другой паужной

и началъ мнѣ давать, а я не беру, потому что слыхалъ отъ старыхъ людей: много наѣшься съ голоду, такъ пропадѣшь. Вотъ солнышко не рано стало, я пошелъ у пастуха забирать коровъ, а пастухъ идетъ да посвистываетъ. Вотъ всѣхъ забралъ. Погонили коровъ. Пастухъ посвистываетъ, а я все гоню. Пригонили въ деревню всего скота. Пастухъ пошолъ ужинать и меня беретъ съ собой ужинать. Пастухъ заходитъ въ фатеру и меня манитъ въ фатеру, а я итти не смѣю. Пастухъ занесъ меня въ фатеру, и я повалился подъ порогъ, лёгъ на виникъ и гляжу, не бранятся ли хозява, не глядятъ ли на меня. Вижу, хозява не браня. А пастухъ манитъ меня ко столу. Я кое-какъ ползункомъ пошолъ и приползъ, а пастухъ кусочки и поддаивать. Пастухъ поужиналъ, и я пошелъ съ пастухомъ. Прихожу на фатеру, гдѣ пастухъ живётъ. Пастухъ повалился спать, и я у ёго въ ногахъ. Вотъ пастухъ прѣспалъ ночь и пошелъ завтрокать и меня манитъ завтрокать. Пошолъ пастухъ скота выгонять, а я подгонять. Онъ выпускаетъ, а я подгоняю. Пастухъ и въ лѣсъ не пошолъ. Вотъ ходитъ кобель, и пасетъ много дѣнь, а пастухъ ходитъ, приносить ему паужинъ; кобель одинъ живетъ со скотомъ. Такъ этотъ пастухъ пасетъ всё лѣто. Одинъ хресьянинъ побился объ закладъ съ пастухомъ, по сотни рублей въ залоги положили,— что кобель одинъ пасетъ. Хресьянинъ сказалъ:

— Сегодня ты не ходи, а пусъ кобель поидеть.

Пошелъ я въ лѣсъ со скотомъ. Вотъ приходитъ волкъ и сичасъ и въ стадо. Вотъ съ этимъ волкомъ схватился кобель драться. Съ утра и до вечера дрались, и некоторой некоторого перемогчи не можемъ: сила наравни. Этотъ кобель и подумалъ: „Ахти мнѣ, скоть далеко разошелся, не собрать мнѣ будетъ всю ночь.“ И до того разсердился, что я началъ такъ волка терзать, что волкъ ничего не сможетъ сдѣлать. Повалился—хоть домертва грызи!

Вотъ я побѣждалъ отъ волка скота собирать. Всѣхъ коровъ сѣбралъ до единой скотинки, ночью въ потемкахъ ужъ гоню въ деревню, а хресьяне всѣ стоятъ въ улицы.

— Нѣтъ, говорятъ, добра! ночь на двори, волкъ всю скотину придавилъ.

Вдругъ я пригоняю скота домой. Хресьяне говорятъ:

— Вотъ мои идутъ!

— И мои идутъ!

Всѣхъ и пригонилъ до единой скотинки, никого не при-
давилъ волкъ.

Вотъ пошла слава про этого кобеля широко и далеко.

— Есь, говорятъ, кобель, что одинъ пасетъ скота сколько
годовъ.

Вотъ въ одномъ городѣ завсе покража сдѣлалась: воръ
ходилъ, всѣ лавки подламывалъ. Одного купца послали за
кобелемъ къ пастуху.

— Что, говорятъ, запросить, то и давай за кобеля.
Этотъ купецъ и отправился на тройки къ пастуху кобеля
покупать. Вотъ и спрашивать у пастуха:

— Продай ты кобеля!

Пастухъ его не продаё.

— Что угодно бери, а только продай.

Пастухъ запросилъ триста рублей, а купецъ и деньги
подалъ за кобеля.

Я вижу, меня купецъ купилъ, а я бросился ему на груди.
Купецъ немножко на затылокъ не улетѣлъ. Посадилъ онъ
меня въ повозку. Мнѣ въ повозки не сидится, я прыгнулъ
туда, гдѣ кучера сидятъ, выстроился на бесѣдку. Эхъ! ве-
зутъ меня, а шерсъ на мнѣ такъ и разступается: отѣлся
въ пастухахъ-то. Привезли меня въ этотъ городъ, гдѣ была
покража. Тутъ крешшоны увидали, что кобеля привезли.
Кто несё булку, кто сайку,—я ничего не беру. А кто при-
несё на торелочки закусочку—то слизну.

Въ гостиномъ двору мнѣ буточку соорили и меня на
цѣпь посадили. Настала ночь, только собаки полаиваютъ,
караульны покрываютъ. А какъ глухая полночь—собаки
замолкли, и караульны не кричатъ; всеравно, какъ нигдѣ
никого нѣтъ. Вотъ, я слышу, идетъ по прищепкѣ по панели,
какъ сѣная куча катитъ. И вдругъ эта сѣная куча прика-
тила прямо къ моей лавкѣ. Колѣнкомъ уперлась и двери
выломила. Вижу, самолучшій товаръ набираё и кладётъ въ
тюкъ. И набрала этого товару самолучшаго, сколько унести
могла, и выходитъ изъ лавочки съ товаромъ. Я гляжу и
думаю, какъ нать захватить, какъ бы цѣпи хватили. Съ
буточки соскочилъ да какъ захватилъ сѣную кучу съ то-
варомъ, едва и живую спустилъ; кое-какъ отъ меня упле-
лась. А я на товаръ повалился и лежу, чтобы товара не
унесли дальше.

Вдругъ глухая полночь прошла, и собаки залаяли, и караульны запокрывивали. Утренняя заря пришла, обходить лавки осматривать. Увидали—лавка покла.

— Вотъ, говорятъ (слышу я), триста рублей дали за кобеля, а лавка подломлена.

Пришли и увидѣли меня съ товаромъ; вынули товаръ изъ-подъ меня и понесли въ лавку. Насколько тыщъ товару украдено, сами и опредѣлить не могли, оцѣнщиковъ приводили.

Сняли меня съ цѣпи и повели по домамъ обѣдомъ кормить. Тутъ мнѣ несутъ опять булки, сайки, а я этого не беру, только закусочки съ торелки слизну — да-й.

Живу въ этомъ городѣ долго ли, коротко ли. Пошла слава про этого кобеля далеко и широко. Дошло дѣло до самого царя. Царь посылаетъ одного егеря.

— „Купи у купцовъ кобеля; что запросятъ, то и давай.“

А если на деньги не согласятся, то далъ такъ письмо, что и такъ везите. (Царско слово, братья!).

Егеря эту записку показалъ имъ. Говорить:

— Если за деньги не продадите, такъ и такъ увезу.

Купцы говорятъ:

— Что, ребята, чѣмъ безъ денегъ, такъ лучше за деньги. И согласились съ егеря взять пятьсотъ рублей денегъ. Вотъ я сейчасъ на груди бросился егерю. Егеря немножко на затылокъ не улетѣлъ, экій брюханъ. Онъ меня посадилъ въ корету, а мнѣ въ корети не сидится. Я выскочилъ туда, гдѣ кучера, фалеторы, запятники,—туда мнѣ и мѣсто. Хорошо мнѣ, любопытно, везутъ меня на шестерки.

Вдругъ вижу—везутъ меня въ Питенбургъ, да-й къ царю. Охъ, я тутъ-то и испугался, тухнулъ. Царь услышалъ,—кобеля привезли, выскочилъ кобеля встрѣчать. Встрѣтилъ и повелъ меня въ полаты и сажалъ за столъ: кормить кобеля надоть съ дорожки. Мнѣ принесли кушанья, ложечку, вилочку, и самъ государь сѣлъ со мной. Угостились по-хорошину. Вдругъ царицы надоть родить въ ту ночь: тяжолѣ была царица. Мнѣ устроили буточку въ коридорѣ, застали меня въ буточку у дверей у самыхъ, гдѣ царица рождать будетъ младенца. Въ коридорѣ салдаты настановили, салдаты подлѣ салдата, ружье подлѣ ружья; только бряктокъ идетъ, какъ ружья побрякиваютъ, съ руки на руку

ихъ перекидываютъ. Настала глуха полночь—вдругъ какъ кислымъ облило, стоятъ всѣ какъ вкопаны, какъ всѣ онѣмѣли, заспали. Вдругъ я слышу—брякнуло кольцо у парадного крыльца, а у царицы въ то время родился младенецъ. Гляжу—поднимается предревняя старуха и по коридору идетъ. Подошла къ двери, гдѣ царица родила, колѣнкомъ уперла въ двери, дверь выломила, взяла младенца и понесла. Только до меня донесла, какъ я выскочилъ изъ будки, да-й этого младенца у ея изъ рукъ какъ выхватилъ и положилъ къ себѣ въ буточку, а эту старуху потянулъ по коридору за ноги. Только головой старуха пошполкиваетъ по лѣсницамъ. Проволокъ ея на паратно крыльцо и выкинулъ на прищепкъ, а самъ побѣжалъ ко младенцу. Взялъ я этого младенца на лапки и покачиваю на лапкахъ на переднихъ.

Вдругъ глуха полночь прошла, няньки и кухарки всѣ проспались, и всѣ заревѣли: младенецъ украденъ, никто окараулить не могъ.

— Натъ, говорятъ, царя будить.

Разбудили царя. Царь хватилъ саблю и побѣжалъ отрубить кобелю голову. А кобель этого младенца высунулъ изъ будки и покачивать его на лапкахъ. Царь увидалъ младенца, выхватилъ у кобеля изъ лапъ, подалъ нянькамъ-кухаркамъ и не знаетъ, кобеля цѣловать или младенца,—обрадѣлъ, значить.

Повѣлъ онъ меня къ собѣ въ бѣлокаменны палаты, напоилъ, накормилъ; повалился отдыхать, и я повалился. Выспались,—младенца крестить надо. На крестинахъ веселились всѣ енералы, всѣ думны министры, всѣ напивались, всѣ наѣдались.

— Что, енералы, думны министры, царь сказалъ, что съ этимъ кобелемъ будѣмъ дѣлать, какъ вы думаете?

Кто скажетъ: „Чиномъ наградить.“ А кто скажетъ:

— „А кто его слушать будѣ?“ Новой опять обсказывать: „Деньгамъ наградить.“ А новой опять говорить: „Какъ онъ будетъ носить деньги и расходовать?“

Царь потомъ и сказалъ:

— Вотъ что, господа енералы и думны министры, вотъ что я выдумалъ: надо позолотить кобеля.

А я и подумалъ:

— Вотъ бѣда-то: шерсть мою опалать, безъ шерсти что я стану дѣлать?

Царь говорить:

— Привести золотарей!

Вотъ и золотарей привели.

— Вотъ что, господа, закрычалъ царь, кобеля нать золотить, а ни одной шерстинки не пошевелить и золотыма литерамъ подписать, что царской кобель идетъ и чтобы, гдѣ бы онъ не бѣжалъ, всякій ему шапку сымалъ, господа или простонародье,—все равно.

Тутъ меня оддало.

Пошли царски дѣти гулять, и я пошелъ съ имѣ гулять. Эхъ, по прищехту бѣжу впереди, а всѣ шапки такъ и схватываютъ, какъ меня увидаютъ, эхъ, любо мнѣ!

Много ли, мало ли я бѣгалъ, любовался собой, что мнѣ шапки сдергиваютъ,—и вдругъ пошли царскіи дѣти въ Лѣтній садъ гулять, и я пошолъ съ имѣ гулять. Хожу въ саду и гуляю. Вдругъ пришло въ голову сходить къ молодухи, не полюбитъ ли меня золотого. Вотъ я изъ саду вымахнулъ. Прибѣгаю домой,—окошка-то у насъ низеньки, погляди-ко (показывать старику),—лапки выкинулъ на окошко и гляжу, что хозяйка дѣлать. Печь разсыпалась у хозяйки, а хозяйка блины пекётъ, а другъ спитъ на постели. Стѣнь-то въ фатеръ заходила, она обернулась, увидала меня и закричала:

— Э, говоритъ, тебя вызолотили, другъ! Былъ ты кобелѣмъ, сдѣлайся воробьемъ. И вдругъ я сдѣлался такимъ воробьишкомъ заморнымъ. Вылетѣлъ на улицу, а други воробьи какъ стали меня клевать, только перья летить. Вотъ урвался я и полетѣлъ впередъ. Лечу и вижу: у одного хресьянина выстроено гумно ново, а въ этомъ гумни овса нагребенъ ворохъ. Ворота, вижу, полы и тутъ воробьишко ходитъ такой трухавой, поклюивать. Я посвоился къ нему и двоємъ мы похаживали и поклюивали.

Хресьянинъ пришолъ, гумѣшко заперъ,—а намъ и вылетѣть нельзя,—и давай насъ имать. Ималъ да былъ, а тотъ воробьишко куда-то сунулъ подъ тѣсъ и улетѣлъ, а меня мужикъ и поймалъ, да-й за пазуху. Я дрожу ли у его за пазухой, ли нѣтъ. Онъ меня за пазухой домой и понесъ. Приноситъ домой и говоритъ:

— Я, мама, зятя поймалъ!

— Поималъ, доброхотъ? кидай въ печь! закричала матка. А старикъ закричалъ съ постели:

— Ахъ, ты, стара чертовка, ты не помнишь, какъ сынъ ходилъ волкомъ въ стадо коровъ давить, а онъ бы могъ бы его до смерти загрызть, да не загрызъ, а спустилъ; а я, стара чертовка, ходилъ въ гостиномъ ряду воровать, онъ тоже могъ меня до смерти загрызть, да не загрызъ; а ты-то, стара чертовка, у царя ходила дѣтей воровать, онъ тебя могъ загрызть до смерти, а онъ только выбросилъ тебя на прищептъ.

Старикъ бросилъ меня объ полъ и сказалъ:

— Былъ ты воробьемъ, а сдѣлайся молоцомъ.

И оборотился я въ молоцца.

— Пеки, говоритъ старикъ, стара чертовка, блины, а ты, говоритъ сыну, бѣги за виномъ.

Тотъ сбѣгалъ, принесъ вино; старуха напекла блиновъ, стали зять угощать. Угощались да были, четверть выпили. Старикъ и говоритъ:

— Ну, полно, зять: ты настранствовался, довольно тебѣ теперь. Вотъ тебѣ узда. Придешь домой—твоя хозяйка спитъ съ другомъ на постели. Она спитъ у стѣны, а тотъ на краю. Какъ ты придешь, такъ хлопни наотпашку и скажи: „Былъ ты молоцомъ, а сдѣлайся жеребцомъ, была ты молодѣца, а сдѣлайся кобылица,“ и у тебя пара вороныхъ коней будетъ. А какъ захошь, такъ отверни, скажи. „Была ты кобылица, сдѣлайся молодѣца, былъ ты жеребецъ, сдѣлайся молодецъ,“ и они опять люди будутъ.

Такъ я и сдѣлалъ. Вотъ видишь, у меня у дверей вырублено дерево: нать было вырубить, кони не вошли, какъ изъ избы выпроводили.

Сталъ я ѣздить на коняхъ и сталъ возить бревна со всѣмъ вершинами и сучьями. Днѣмъ возилъ, а ночью подвязывалъ, чтобы корму какого не захватили. И до того доѣздилъ, что порозны дровни не стали волочить. Я сожалеялся и хлопнулъ наотпашку коней и сказалъ:

— Былъ ты жеребецъ, а сдѣлайся молодецъ!

Тотъ какъ сдѣлался молодцомъ такъ и удралъ, дай Богъ ноги: стать ли при „самомъ“ сидѣть?

— Была ты кобылица, а сдѣлайся молодѣца! и ту наотпашку дернулъ.

Стала она попрежнему молодицей. И теперь вотъ со старухой живу, и она кряду сидить.

Какъ было, такъ было, все тебѣ рассказалъ. Поди ты домой со своимъ рассказомъ: мой рассказъ, братъ, почише!

Запис. отъ Ѳ. В. Огаркова. Онежскій у. 1912 г.

3. Злая невѣстка

Въ одномъ городѣ жилъ купецъ именитой, большой. Этотъ купецъ и померъ, осталась у ѣго дочка и сынокъ. И жена послѣ его недолго прожила и стала наказывать передъ смертью:

— Ты, доченька, стань начальствовать, а ты, сынокъ, слушайся, куда тебя сестрица не пошлетъ.

И старушка тоже померла, онѣ остались однѣ. Вотъ сестра и говоритъ брату:

— Ты, брателко, поѣзжай въ иностранну землю торговать.

— Хорошо, говоритъ, сестрица.

Отправился въ иностранну землю. Торговалъ долго ли, коротко ли, поторговалъ хорошо, вернулся домой.

— Что-то, брателко, говоритъ сестра, я соскучилась, надоѣло мнѣ распоряжаться, женись-ко лучше.

Онъ не хотѣлъ, а она напѣрла на него и женила брателка. Вотъ они жили, я не знаю, сколько лѣтъ, сколько зимъ,

Сестра и говоритъ брату:

— „Брателко, поѣзжай-ко ты въ иностранну землю торговать.

— Давай, говоритъ, сестрица, можно.

Вотъ и отправился опять въ иностранну землю торговать.

Молодуха глядитъ и думать сама-собѣ.

— Что такъ значить, сестра распоряжается имъ?

Вдругъ потомъ хозяйка заколола кобеля и написала письмо мужу въ иностранну землю, что твоя сестра ошалѣла, заколола самолуччаго кобеля.

Иванушко получилъ письмо, прочиталъ.

— Собаки, говоритъ, собачья и честь!

Не пожалѣлъ, значить, кобеля. Такъ и живѣтъ, торгуетъ